

Дождь лил как из ведра. Почва не успевала вбирать в себя влагу, излишки образовывали сначала небольшие, а затем уже могущие посоперничать с некоторыми озерами лужи.

Из леса вышло два человека. Их головы не были ничем укрыты, от чего вся их одежда уже давно промокла, и теперь дождь вольно разгуливал своими холодными струйками по телам юношей.

Один мальчик был с ног до головы покрыт чем-то похожим на кровь. Дождь конечно уже почти смыл всю кровь, но одежда мальчика всё ещё имела розоватый налёт. Капли градом били по макушкам юношей, затем стекали по проторенным братьями дорожкам. Иногда особо рьяные струйки избирали новые для себя пути, и порой заглядывали в такие места, от чего у мальчишек забавно дергались носы.

Но всё это проходило мимо сознания мальчишек, ибо оба они были погружены в спор.

- ... Ну и? - фыркнув и сдув накатившие на губы капли, спросил утонченный юноша своего звероватого друга. Он был столь элегантен, что ни промоклая одежда, ни стекающие по лицу капли дождя не только не портили его образ, но даже дополняли его, разбавляя эту красоту новыми, незнакомыми красками. Каждое движение, будь то хмык, аль движение брови снесло бы крышу любой видной красавицы. Опасная красота, од... двумя словами.

- Что ' Ну и'? - повернул голову в сторону спросившего другой юноша. Он был... необычен. Его исключительность заключалась буквально во всём. Несмотря на то, что он был красив, конечно до красоты своего друга ему было как ползком до Края мира, но не отдать должное его, скажем так, шарму будет большим грехом. Правильные черты лица, тонкие поджатые губы, часто по пустякам образующими непонятную улыбку, гармонично сочетались с большими, экзотичного разреза глазами. Сиреневая радужка делала его глаза похожими на потусторонние огоньки, что часто любят вторгаться в наш мир из любопытства, аль из безудержного желания пожитья. Ещё одной его особенностью являлись странные завитушки над бровями, причём ни чернилами, ни чем либо подобным они не являлись. Вопрос о происхождении странных образований витал в умах многих ученых мужей, но найти ответ на него так и не смогли. Конечно теорий было предложено очень много, но подтвердить их фактами никому не удалось.

Помимо всего прочего этот юноша имел, будем говорить своими словами, звероватый образ. Непонятно из чего сложилось такое мнение, ибо ничем таким мальчик не выделялся, имел обычное, пускай и стройное, но телосложение, клыков, хвостов аль ещё чего подобного животного не наблюдалось. И хоть ты тресни, но отделаться от ощущения, что в присутствии этого парня, ты буквально дышишь в распахнутую пасть смертельно опасного животного, никак не получается.

Неудивительно, что многие люди шарахаются от него, словно от чумы какой. И давно бы встал вопрос, а не избавиться ли от бесовского отродья, пока оно не пробудило в себе спящие нечеловеческие гены. Если бы не приемный отец мальчика, который в то же время являлся городским лордом. Власть его была сильна, крепка и безусловна. Потому не удивительно видеть заискивающие, буквально сочащиеся от лицемерия улыбки придворных, несмотря на всю оторопь от одной лишь мысли, вынужденных подлизываться к молодому наследнику.

То, что мальчик является приёмным ребенком скрывали не долго. Жена батюшки уже несколько раз была на сносях, но каждые роды заканчивались плачевно. Последний стали окончательным ударом для уже немолодого лорда, ибо его любимая вместе с народившимся сыном ушли в мир иной. Казалось уже ничто не могло вдохнуть жизнь в с каждым днем

стареющего под тяжестью несчастий и неудач государя, если бы одним днём не произошло знаменательное событие. В очередной поездке к священному озеру, что нашло своё рождение у ног Трёхозимых гор, отец города, сидя на устланном галькой берегу заприметил нечто необычное в центре водной глади. Маленькие волны толкали из стороны в сторону небольшую люльку, которая ни в какую не хотела тонуть, не смотря на все усилия и попытки священного озера. Казалось внутри неё, под толстым слоем пеленок находилось маленькое чудо(вище), на которое мир не мог не смотреть с режью в глазах. Ребенок, а никем иным это чудо быть не может, боролся с миром уже с пеленок. Это настолько поразило немолодого лорда, что странный блеск снова появился в его глазах, казалось морщины под натиском возрождающегося пламени в панике разгладились, вернув коже уже давно не виденную румяность. Жизнь вновь заглянула в закаленное многочисленными боями тело, и, по всей видимости, уходит ещё долго не собирается. Назло всем ненавистникам и интриганам.

Мальчик рос, что называется, как на дрожжах. Но уже с первых дней стало понятно, что ребенок был необычным, и это ещё мягко сказано. Во-первых, мальчик не мог культивировать, в его теле по-просту не было необходимых для культивации каналов. Но несмотря на это, сил в маленьком тельце было хоть отбавляй, не дай кому ощутить её на себе, со стен придется соскребать иди кости считать, да собирать. Потому заикаться о никчемности или бездарности молодого лорда никто не рисковал, даже под семью дверями, в потайных, злодейских комнатах, разговор никогда не скатывался на тему обсуждения таланта сына государя.

Со временем, все приняли это как должное, и рассматривать силу молодого лорда рамками привычной системы культивации считалось признаком плохого тона. Но об неординарности сына государя знало не так уж сказать что много человек. Обычные горожане слышать не слыхивали об этой отличительной особенности. А если и улавливали краем уха из чьего-либо разговора, то считали это бредом разыгравшейся фантазии. Стоит, пожалуй, восхититься качеством работы Тайной стражи государя. И правильно, нечего простому люду уши расчесывать, да языками трепать в трактирах среди одномастной толпы. Тайны на то и тайны, что тайными являются.

Во-вторых, о не совсем человеческой природе приемного сына государя велось немало диспутов, и результаты, к которым приходили участники оных, были один страшней другого. Было даже немало настолько абсурдных предположений, что зачастую из государевой комнаты доносились волны искреннего смеха. Слуги, шастающие в такие моменты по коридорам дворца, рефлекторно вздрагивали и прижимались друг к другу, при условии, конечно, что рядом будет родственное плечо. Лорд был весьма странной персоной, да чего уж там, пугающей, будем говорить своими словами, и чего у него не отнять, так это силы, как личной, так и находящейся в государственном аппарате.

О суровости государя дети узнают ещё с пеленок. А в школах на уроках истории учителя рассказывают легенды о военных походах тогда ещё молодого, но уже столь амбициозного воителя. И кто знает, как бы сложилась жизнь в этом небольшой городе, если бы не слава и сила государя. Уже многие годы войны буквально обходят стороной эти цветущие края.